

DOI 10.15826/izv2.2024.26.1.015

УДК 94(470.55)“19” + 314.9 +
+ 739.4(470.55) + 94(470.54-25)**Н. В. Веселкова***Уральский федеральный университет*
Екатеринбург, Россия**Н. Б. Граматчикова***Институт истории и археологии УрО РАН*
Екатеринбург, Россия

НАСЛЕДСТВО «ЧУГУННОЙ БАБУШКИ»: НАРРАТИВНЫЕ ВЕРСИИ КАСЛИНСКОЙ ИСТОРИИ

В центре внимания авторов находятся тексты о производстве каслинского литья 1930–1940-х гг.: очерки Н. Добычина, М. Зуева-Ордынца, П. Бажова. Их историческую контекстуализацию выполняют путевые заметки Д. Мамина-Сибиряка (1887) и материалы интервью с жителями Каслей, полученные в ходе изучения нарративных ландшафтов уральских городов (2021). Цель статьи заключается в осмыслении ситуации альтернативности истории на примере города Касли, которую задают варианты описания настоящего, ориентированного на желаемое будущее. 1930-е годы в истории каслинского литья рассматриваются и как актуальное настоящее с близким будущим, и как благоприятный для местного производства поворот в прошлом, сохранившийся в памяти каслинцев.

Используется методологический ресурс мультискалярного анализа с акцентом на взаимодействии различных временных и пространственных масштабов. Вводятся в научный оборот материалы Государственного архива административных органов Свердловской области, связанные с биографией Н. Добычина, поскольку именно его очерку «Живой чугун» приписывается решающая роль в возрождении художественного производства. Тексты о каслинском литье анализируются на предмет их возможной влиятельности, обусловленной масштабом платформы размещения (центральная или региональная пресса, тиражность и др.) и точностью соответствия моменту культурной политики, отраженному в композиции и мотивной структуре текста, трансляции внешнего («чужого») или внутреннего («своего») взгляда на описываемые события. Очерк, оказавший влияние на локальный нарратив о судьбе то гибнущего, то возрождающегося производства, возможно, стал ресурсом для мифологизации «долговечного» уральского мастерства в словах знаменитой «чугунной бабушки» Бажова. Суждения нынешних каслинцев о прошлом и настоящем города свидетельствуют о сложном сочетании гордости и обиды за свое историческое прошлое и настоящее.

Ключевые слова: Н. Е. Добычин; М. Е. Зуев-Ордынец; В. Ф. Торокин; Касли; Уралмаш; художественное литье; альтернативная история

Благодарности

Н. В. Веселкова вела работу над статьей при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, грант № 21-011-43019 «Мечты и память: нарративные ландшафты небольших уральских городов (1960–1980)».

Ц и т и р о в а н и е: *Веселкова Н. В., Граматчикова Н. Б.* Наследство «чугунной бабушки»: нарративные версии каслинской истории // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2024. Т. 26, № 1. С. 230–248. <https://doi.org/10.15826/izv2.2024.26.1.015>

Поступила в редакцию: 07.12.2022

Принята к печати: 18.01.2024

Natalia V. Veselkova

Ural Federal University

Ekaterinburg, Russia

Natalia B. Gramatchikova

Institute of History and Archaeology,

Ural Branch of the Russian Academy of Sciences

Ekaterinburg, Russia

HERITAGE OF THE “CAST IRON GRANDMOTHER”: NARRATIVE VERSIONS OF KASLI HISTORY

This article focuses on the production of Kasli castings in the 1930s–1940s (essays by N. Dobychin, M. Zuev-Ordynets, and P. Bazhov). The authors carry out a historical contextualisation of the sources referring to the travel notes of D. Mamin-Sibiriyak (1887) and interviews with the inhabitants of Kasli obtained during an expedition to study the narrative landscapes of Ural cities (2021). The authors aim to comprehend the situation of alternative history with reference to the city of Kasli, which is set by options for describing the present, focused on the desired future. In the history of Kasli castings, the 1930s is considered both as a relevant present with the nearest future, and as a turn in the past favourable for local production, preserved in the memory of the Kasli people.

Methodologically, the research is based on multiscale analysis with an emphasis on the interaction of different time and space scales. The article introduces materials of the State Archive of Administrations of Sverdlovsk Region related to the biography of N. Dobychin which has never been done previously, since it is his essay *Living Cast Iron* that is said to have played a decisive role in the revival of the production of artistic iron casting. The authors analyse texts about Kasli castings in terms of their possible influence, due to the scale of the placement platform (central or regional press, circulation, etc.) and the accuracy of compliance with the moment of cultural politics, reflected in the composition and motif structure of the text and the communication of an external or internal view of events. The essay, which influenced the local narrative about the fate of either dying or rising production, may have become a resource for mythologising the “long-lived” Ural craftsmanship in the words of the famous “cast-iron grandmother” of Bazhov. The judgments of today’s Kasli residents about the past and present of the city testify to a complex combination of pride and resentment towards their historical past and present.

К е y w o r d s: N. E. Dobychin; M. E. Zuev-Ordynets; V. F. Torokin; Kasli; Uralmash; art casting; alternate history

Acknowledgements

Natalia V. Veselkova has written this article with the support of the *Russian Foundation for Basic Research*, grant 21-011-43019 “Dreams and Memory: Narrative Landscapes of Small Ural Towns (1960–1980)”. The materials of the current and previous studies in Ural cities have been used.

For citation: Veselkova, N. V., & Gramatchikova, N. B. (2024). Nasledstvo “chugunnoi babushki”: narrativnye versii kaslinskoj istorii [Heritage of the “Cast Iron Grandmother”: Narrative Versions of Kasli History]. *Izvestiya Uralskogo federalnogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki*, 26(1), 230–248. <https://doi.org/10.15826/izv2.2024.26.1.015>

Submitted: 07.12.2022

Accepted: 18.01.2024

Введение

Судьба малого города часто находится в зависимости от успеха или упадка располагающихся в нем производств. Рассказы о годах расцвета и причастных к нему людях хранятся в коллективной памяти десятилетиями и, в свою очередь, определяют ретроспективный взгляд из последующих иных времен. Тем интереснее «развилки истории», которые просматриваются из настоящего, ставшего именно таким благодаря некоему повороту событий в кризисные моменты в прошлом. Так было с каслинским художественным литьем, едва не заглохшим в начале 1930-х гг. Его восстановление состоялось, как считается, не без поддержки со стороны средств массовой информации в лице горьковского журнала «Наши достижения» со статьей Н. Добычина. Здесь и пролегал интересующая нас развилка, причем двойная: в социальной онтологии традиция каслинского литья могла бы прекратиться, как это случилось в других местах на Урале, а в литературной — совсем иной могла быть судьба связанных с ним произведений.

В центре нашего внимания — посвященные каслинскому литью тексты 1930–1940-х гг. Н. Е. Добычина, М. Е. Зуева-Ордынца, П. П. Бажова; для их исторической контекстуализации используется, с одной стороны, описание Каслей 1886 г. Д. Н. Мамина-Сибиряка, а с другой — материалы интервью с жителями сегодняшних Каслей, полученные в 2021 г. в ходе изучения нарративных ландшафтов уральских городов¹. Цель статьи заключается в осмыслении ситуации альтернативности истории, которую задают проспективные для 1930-х гг. образы и развилки будущего, ретроспективно прочитываемые как «будущее не состоявшееся», а также варианты описания настоящего 1930-х гг., ориентированного на желаемое будущее, отраженные в композиции и сюжетно-мотивной структуре текстов [Граматчикова, Веселкова]. Используется методологический

¹ 17 малоформализованных интервью с жителями Каслей (сотрудники музеев, учреждений культуры, краеведы и «обычные» горожане). Ссылки на интервью снабжены шифром, где буква обозначает пол, цифра — возраст информанта.

ресурс мультискалярного анализа с его акцентом на взаимодействии различных временных и пространственных масштабов [Веселкова, Вандышев, Прямикова]. Впервые вводятся в научный оборот материалы уральских архивов, связанные с биографией Н. Е. Добычина.

Кризис в Каслях: акторы спасения

Касли — малый город на Южном Урале, возникший в середине XVIII в. как заводское поселение. В сегодняшнем историческом нарративе здесь устойчиво присутствует сюжет из начала 1930-х гг., соединяющий локальный и общенациональный масштабы: субъектную волю каслинцев, руководителей и мастеров, с влиятельностью центральной прессы и первых лиц [Горький]. Так, из недавней публикации научного сотрудника Каслинского историко-художественного музея узнаем, что в 1934 г. руководство завода решило возобновить художественное литье, однако старые модели были утрачены либо не соответствовали новому времени. Далее следует вполне сказочный поворот:

...двенадцать именитых мастеров обратились с открытым письмом к М. Горькому. Они писали, что изделия каслинских умельцев в старое время удивляли своим искусством за границу. Сегодня в работе нет размаха и очень много недостатков, а главное, нет новых моделей революционного содержания, скульптурных изображений событий Гражданской войны, статуэток на темы быта рабочих и колхозников, народов СССР. Это письмо привлекло внимание широкой советской общественности, и Алексей Максимович направил в Касли корреспондента Н. Добычина, который по итогам своей поездки опубликовал в 1935 г. в журнале «Наши достижения» большой проблемный очерк «Живой чугун»² [Кашапова, 2021, с. 284–285].

Практически ту же версию рассказывают и на Каслинском заводе — восстановление производства через обращение в верхи, к Горькому:

...цех художественного литья был закрыт не очень долго. <...> в [19]34 году, я думаю, с чьей-то подачи местные мастера написали письмо Горькому. Горький редактировал журнал «Наши достижения». Но он уже был, конечно, на ладан дышал, но всё-таки отклик получили писавшие это письмо. Они писали, что всё вот, ещё немного, ещё чуть-чуть и восстановить будет уже очень сложно. Вот направила редакция журнала «Наши достижения» сюда журналиста Добычина. Он тут поговорил с людьми. В этом журнале появилась большая статья, и вот с этого момента как бы было принято решение (Ж62).

В переломные моменты особое значение имеет доступ к средствам массовой информации, влиятельным людям — для Каслей такой магической фигурой,

² Версия о влиянии «Открытого письма старых мастеров», опубликованного в газете «Каслинский рабочий» [Открытое письмо...], по-видимому, впервые появляется в книге 1940 г. местного журналиста М. Репина [Репин, с. 189, 199]. Благодарим за помощь в уточнении ссылок Г. В. Кашапову, а также сотрудников Челябинской областной универсальной научной библиотеки.

повернувшей, согласно изложенной версии, колесо фортуны, оказался М. Горький, а проводником — писатель Н. Добычин. Кто же этот почти неизвестный ныне литератор³?

Николай Добычин на Урале

Каслинский нарратив рисует Добычина специально прибывшим из Москвы посланцем Горького, а между тем, в 1930-е гг. он жил и работал на Урале. Согласно сведениям из анкеты следственного дела 1933 г., Николай Ефимович Добычин (1904–1942) родился на Алтае, в с. Тальменка Барнаульского уезда [ГААООСО, ф. Р1, оп. 2, д. 11518, л. 3]⁴, что объясняет его ранний псевдоним — Алтайский [см., например: Добычин-Алтайский] и тематику ряда произведений, сотрудничество с алтайским писателем Павлом Кучияком и собирательницей алтайского фольклора Анной Гарф⁵.

Николай закончил Барнаульскую учительскую семинарию, работал учителем, писал и ставил детские пьесы. В 1924 г. поступил на литературно-художественное отделение Ленинградского института живого слова, к моменту его окончания реорганизованного в техникум печати. С 1927 г. сотрудничал в газетах: иваново-вознесенском «Рабочем крае», новосибирской «Советской Сибири», в Сиброста, уральском «Челябинском рабочем» [ГААООСО, ф. Р1, оп. 2, д. 11518, л. 4–7 об.].

Литературный процесс на Урале в начале 1930-х гг. развивался стремительно, нуждаясь не только в талантливых и увлеченных, но и образованных участниках, что делает вполне закономерным переезд Н. Добычина «по приглашению УралАПП» [Там же, л. 7 об.] в Свердловск. В апреле 1932 г. новоприбывшего направляют на Уралмашзавод «для усиления» местных литорганизаций, перед которыми стояла задача написания истории Уралмаша [Начата работа...] в рамках горьковского проекта «Истории фабрик и заводов». Погружение в тематику строительства нашло отражение в «Рассказах о нашем городе», опубликованных

³ Единственная литературоведческая статья о Н. Добычине характеризует его как автора, эстетические достоинства прозы которого сильно уступают его общественному темпераменту — в противоположность его знаменитому современнику-однофамильцу Леониду Добычину [Белоусов]. Благодарим к. филол. н. И. Е. Лоцилова за указание этой статьи.

⁴ Анкета подтверждает предположения о месте рождения, выдвинутые А. Ф. Белоусовым [Белоусов, прим. 2]. Учитывая специфику советских следственных дел по ст. 58 как источника [Быкова], считаем тем не менее возможным использование биографических сведений — чего нельзя сказать о характеристиках типа «из семьи крупного кулака, раскулаченного», без пояснений и ссылок включенных в некоторые современные справочные тексты [см., например: Добычин Николай Ефимович].

⁵ Согласно примечанию Анны Гарф, «Николай Ефимович Добычин — писатель, перевел на русский язык ряд произведений П. В. Кучияка, в том числе повесть “Ямы”. Н. Е. Добычину принадлежит идея совместной работы Кучияка и Гарф по записи и переводу на русский язык произведений алтайского народного устного творчества» [Гарф, с. 151, прим. 8].

в журнале «Штурм», а затем отдельной книжкой [Добычин, 1933а; 1933б; 1933в; 1934а; 1934б; 1934в].

В 1931–1935 гг. Н. Добычин активно печатается в свердловском литературно-художественном и общественно-политическом журнале «Рост»⁶ и его преемнике «Штурме»⁷, замечен местной критикой. С 1932 г. состоит в Уральском оргкомитете Союза советских писателей и в редколлегии журнала «Штурм», его включают в число преподавателей литературных курсов, открывшихся в Свердловске, в январе 1933 г. проводит творческий вечер [Боголюбов; Маленький, с. 103, 106, 111; ГААОСО, ф. Р1, оп. 2, д. 11518, л. 7 об.; Белоусов; Хроника...].

Вскоре судьба делает опасный вираж. 11 марта 1933 г. в газете «За Магнитострой литературы» публикуется очередной материал Добычина — фельетон, после чего уже 20 марта автора арестовывают, а газету закрывают⁸. В опальном фельетоне высмеивалась редакция областной газеты, вместо подготовленного очерка разместившая «трехчасовую ненужную речь» некоего начальника, в котором увидели секретаря ЦК ВКП(б) Кагановича [Добычин, 1933ж; ГААОСО, ф. Р1, оп. 2, д. 11518, л. 13, 15 об., 25 об.–26].

Через три недели, 10 апреля, писателя отпустили под подписку о невыезде, а 31 июля дело было прекращено, ибо «материалами следствия криминал обвинения достаточно доказан не был» [Там же, л. 28, 29; Гильмуллина]. В редколлегии «Штурма» Добычин больше не состоял, но продолжал публиковаться: еще до прекращения следствия (31 мая 1933 г.) в Уралогизе подписан к печати сборник «Оборона» с его рассказом, в альманахе «Урал» — рассказ «Цветы» из уралмашевского цикла, который печатают также «Наши достижения» [Добычин, 1933г; 1933д; 1933е]. В августе 1933 г. на полосе «Литературной газеты», целиком посвященной «литературе социалистического Урала», Н. Добычин упомянут среди нуждающихся во всемерной поддержке местных писателей [Исбах]. В том же 1933 году в Москве вышли его «Хакасские рассказы» [Добычин, 1933з], а в 1934 г. в Свердловске — уже названный сборник «Рассказы о нашем городе» [Добычин, 1934в], Добычина приняли в члены ССП.

На фоне таких зигзагов судьбы летом 1935 г. и выходит номер «Наших достижений» с очерком Добычина «Живой чугу́н», которому, как мы видели, оказалась уготована судьбоносная роль в возобновлении традиции каслинского литья. Вклад, который приписывается очерку Добычина, особенно примечателен, если учесть, что почти одновременно появилось несколько подобных материалов: фрагмент того же очерка, поданный как самостоятельный рассказ «Скульптор» [Добычин, 1935а; 1935б], — в журнале «Штурм», а через несколько месяцев — «Говорящий чугу́н» Михаила Зуева-Ордынца в «Уральском следопыте»

⁶ Оценку журнала «Рост» см. [Белоусов], в уральском контексте [Подлубнова, 2008; 2020].

⁷ В 1931 г. «Рост» опубликовал повесть Добычина, первый же номер «Штурма» в 1932 г. поместил его «Хакасские рассказы», а всего за период 1932–1935 гг. произведения Добычина выходили в 11 номерах «Штурма».

⁸ О газете «За Магнитострой литературы» см. [Подлубнова, 2019; 2021].

[Зуев-Ордынец, 1935]. Конечно, масштаб изданий сильно различался: щедро иллюстрированные «Наши достижения» тиражом 38 000 экз. работали на все-союзную аудиторию, «Уральский следопыт» воспроизводил формат закрытого к тому времени «Всемирного следопыта»⁹ в региональном масштабе с тиражом 10 000 экз., а «Штурм» печатался в 2650 экз.

В чем же кроется «ударная сила» добычинского очерка? Для поиска ответа на этот вопрос перейдем к сопоставительному анализу анонсированных во введении текстов о Каслях.

Касли в традиции травелогов

Очерки Д. Мамина-Сибиряка («По Зауралью», первая публикация в 1887 г.), М. Зуева-Ордынца («Говорящий чугуун», 1935) и Н. Добычина («Живой чугуун», 1935) выстроены как травелог с описанием природных красот «озерного края», местных жителей и их занятий. Разительное отличие маминского текста — в показе благосостояния Каслей: на широкой улице полно «таких хороших и так плотно поставленных домиков», что «не было резкого перехода от нищеты и голи к вопиющему богатству», привычного для других мест [Мамин-Сибиряк, с. 35, 36].

Любование благосостоянием каслинцев у Мамина-Сибиряка резко контрастирует не только с текстами 1930-х гг., но и с далекой от процветания сегодняшней ситуацией. Вместе с тем, уже в 1880-е гг. заметны следы начинающегося разрушения. Проблемы располагаются на трех шкалах: общероссийской — нерешенность крестьянского вопроса, региональной — уральское железо на древесном топливе проигрывало конкуренцию более дешевой южной продукции на каменном угле, и локальной: обладающие прекрасной репутацией каслинские литые изделия отличает устаревший «выбор сюжетов» («те же пепельницы раковинами и листьями, те же ажурные чугунные тарелочки, те же лошади старой академической школы и неестественно породистые собаки» [Там же, с. 40–41]) и плохая организация распространения. О каких-либо секретах мастерства речи не идет, скорее текст указывает на общую потаенность этого места, что справедливо опять же в разных масштабах: большому миру неизвестны не только Касли, но и все Зауралье.

Добычин и Зуев-Ордынец тоже путешественники, но набор содержательных акцентов у них иной: те самые секреты, народные таланты и их незавидная участь при царском режиме, наконец, современный виток производства, удивительную

⁹ Упомянутый выпуск «Наших достижений» (1935, № 5–6) сдан в набор 17.5.35, подписан 19.6.35, «Штурм» (1935, № 4–5) сдан 31.5.35, подписан 20.7.35, «Уральский следопыт» (1935, № 7) сдан 7.08.35, подписан 23.9.35. Об «Уральском следопыте» 1935 г. как региональной реинкарнации «Всемирного следопыта» см.: [Подлубнова, 2016; Рябинин; Горбунов]. Зуев-Ордынец стал одним из ключевых авторов нового «Следопыта».

витальность которого утверждают созвучные названия про «живой» и «говорящий» чугун.

Если Добычин делится впечатлениями мартовской поездки 1935 г.(?), то очерк Зуева-Ордынца в «Уральском следопыте», хотя и подписан июлем 1935 г., в основе имеет опыт путешествия 1927 г.¹⁰ В соответствии с дарованием писателя, предпочитающего приключенческие сюжеты, и краеведческо-туристическим направлением «Уральского следопыта», текст строится как путевые зарисовки поиска каслинских чугунных «штучек», от которых «ахнешь». Трое приятелей отправляются из Кыштыма в Касли пешком (30 км), по дороге останавливаясь на ночлег у мальчишек-пастушков.

Касли Зуева-Ордынца — это «архипелаг озер» Зауралья, преддверие Сибири. Здесь проходил «главный путь великих переселений народов», здесь шли гунны, монголы и прочие «древние кочующие орды»; позднее — Уральская (Казанская) большая торговая дорога и Государев Уральский тракт. Траектория пути сопрягает эпохи и литературные сюжеты, они на поверхности — в самих названиях глав («Бежин луг», «Подкованная блоха»). Лирический сюжет о юном скульпторе-самородке расширяется за счет фольклорного пласта рассказов об осенних сборищах лесных козлов на горе Каравай близ Каслей¹¹ и темы творчества как наваждения: «Когда я леплю — дурным делаюсь. Как богульнику нанюхался!..» — говорит юный ваятель, кончики пальцев которого при этом подрагивают, как от электрического заряда [Зуев-Ордынец, 1935, с. 29].

Сильнейшее впечатление на автора производит заводской музей художественного литья:

В маленькой тесной комнатенке было сосредоточено столько красоты, что нас, одновременно с восторженной радостью, охватила растерянность. Этот грубый уютный чугун говорил. Он рассказывал нам чудесные истории о радости и печали людей, о их ненависти, любви, о их былом тяжелом, изнуряющем труде. Он увел нас в дремучие леса Урала, в знойные джунгли юга, показал потаенную жизнь их обитателей — зверей, то яростных, то кротких, их вековую борьбу с человеком [Там же, с. 31].

Туристы встречаются с К. А. Клодтом, внуком знаменитого петербургского скульптора, «тихим застенчивым старичком», работы которого (бюст Ленина, статуэтка Дзержинского) выполнены «добросовестно, но без огонька» [Там же, с. 35] и явно уступают внутренней энергии фигур каслинских самородков, от подростка-пастуха до известного В. Ф. Торокина («Чугунная бабушка», «Поездка кулаков на праздник», «Литейщик за работой», «Углевоз» и др.).

¹⁰ Переработанный в 1935 г., но легко узнаваемый текст о Каслях составляет гл. XI книги «Каменный пояс», показывающей, каким увидели Урал в 1927 г. путешественники-ленинградцы [Зуев-Ордынец, 1928, с. 62–68]. Последняя глава очерка — «Через восемь лет» — дополняет впечатления от прежней поездки [Зуев-Ордынец, 1935, с. 36].

¹¹ Упоминание об этом природном явлении есть и в очерке Мамина-Сибиряка, однако в спокойной природно-фенологической тональности.

В завершение очерка Зуев-Ордынец рассказывает о новом посещении Каслей, здесь следует вставка сообщения о возобновлении производства художественного литья из центральной прессы [см.: Художники литья]. В Свердловском музее он находит лишь фасад и боковые стенки от ажурного чугунного павильона, получившего на Всемирной парижской выставке 1900 г. высшую награду, остальное погублено ржавчиной и небрежением, уникальная чугунная цепочка, восхитившая в свое время Д. И. Менделеева, украдена, К. А. Клодт умер еще в 1928 г.¹² Некогда достигнутые расширения «маленького заводика» в «глуши Уральских гор» [Зуев-Ордынец, 1935, с. 35] до общенациональных и мировых масштабов, кажется, фатально схлопнулись. Тем не менее, автора не оставляет оптимизм, свойственный эпохе: 150 моделей отливок уже собраны и отправлены в Касли, опыт художественного литья распространяется и на заводы-гиганты (трое каслинцев трудятся на Уралмаше, где как раз в это время активно осваивается подобная продукция). Не уникальность Каслей¹³, а тиражируемость технологий, по Зуеву, может быть залогом успеха: «В стране трудящихся не от кого и незачем таить секреты каслинского литья» [Там же, с. 36].

В основе своей текст Зуева (1928) предшествует добычинскому, но в окончательном варианте 1935 г. отстает и при всем своеобразии выглядит вторичным как в части общих сюжетно-тематических линий двух очерков (рабочие-раскольники, судьба В. Ф. Торокина, описание «Дон-Кихота», «Мефистофеля» и других скульптур), так и в воспроизведении логики выпуска «Наших достижений» об обновлении традиционных промыслов, когда писатель объединяет каслинских «скульпторов по чугуну» «с палехскими живописцами, вологодскими кружевницами, архангельскими резчиками по кости и туркменскими ковровщицами» [Там же, с. 35].

Ведущей чертой поэтики очерка Добычина становится заостренная до предела контрастность впечатлений. Повествование начинается и заканчивается в поезде, который везет автора из погруженного во тьму прошлого (ночная беседа со стариком-инвалидом, коренным каслинцем) в будущее (разговор с молодым инженером, обрывающийся сотнями спящих «оранжевых солнц» Челябинской электростанции в финале очерка [Добычин, 1935б, с. 209]).

Образ прошлого развернут в ретроспективную вставку — историю жизни «мастера по вещам» Василия Федоровича Торокина, чьи взлет и падение определены обстоятельствами дореволюционной жизни и личной волей хозяев завода. Вообще концепция творчества у Добычина по-горьковски романтическая: в редакторской статье «Наших достижений» Горький рисует дореволюционного

¹² Зуев-Ордынец называет 1929 год.

¹³ При этом сам автор чувствует и передает как раз уникальность сочетания «слагаемых успеха» каслинского литья, относя к ним высокую технику мастеров, качество чугуна, определяемое высоким содержанием фосфора в нем, и разнообразие формовочных песков в окрестностях Каслей — их описанию посвящен один из самых поэтичных абзацев очерка [Зуев-Ордынец, 1935, с. 31].

мастера как Дон Кихота, пронесшего сквозь века свойственное человеку «древнее желание» сделать красивую вещь. Добычинский Торокин был обречен на одиночество: ни хозяева завода, ни управляющие не разделяют азарт творца, целиком погруженные в погоню за прибылью [Добычин, 1935б, с. 194].

Автор помещает каслинское литье в широкий контекст аналогичного производства Екатеринбурга, Верх-Исетского завода, Кушвинского, Кусинского и др., пытаясь разгадать загадку успеха Каслей. *Настоящее* Каслей подается через заостренность взгляда «новичка» (остранение, по В. Шкловскому). Очерк Добычина многосоставен: детальное описание технологического процесса (прием, вовлекающий читателя в позицию «своих») коррелирует с многочисленностью героев и разнообразием человеческих типов: Торокина-младшего, литейщиков-самородков Хорошенина и Широкова, скульптора Клодта, выдвиженца Зацепина, плановика Волкова и др. Если основной конфликт, тормозящий развитие производства у Зуева-Ордынца, обозначен как неизбывное недоверие раскольников к изменениям, то Добычин не склонен экзистенциализовать качества местного населения, а сосредоточен на тактических проблемах: узости ассортимента (мастерам не препятствовали, но и не помогали в выборе — «лишь бы не царский бюст»), аморальности прежних скульптур, расчете себестоимости продукции и ее рыночной цены и др.

Касли невозможно описывать по шаблону индустриальных достижений (старые «приземистые корпуса завода» здесь жмутся у берега [Там же, с. 190]), но и красот озерного Зауралья, воспетых Маминым-Сибиряком и Зуевым-Ордынцем, у Добычина нет. Его именование Каслей как «родины котлов и мясорубок» [Там же, с. 192] намеренно утяжеляет образ и служит контрастом для дальнейшего поэтического описания «живого чугуна». Тем не менее, писателю все же удается связать местное, особенное с общеиндустриальным модернизационным трендом. Само производство художественного литья у Добычина соединяет традиционную мощь индустриальных процессов («К цеху подвозят по рельсам цилиндрический ковш. В ковше тяжело вздрагивает огненная лава») и человекообразность, рукотворность чугунной работы, когда мастер наливает чугун «в кринкообразную посудину», «торжественно несет его» к опоке, и вот уже чугун «льется тонкой молочной струей, пока на литнике не образуется жирный красный цветок» [Там же, с. 202].

Решающим отличием очерка Добычина следует признать его эксплицитную встроенность в культурную политику, осуществлявшую в тот момент широко-масштабный разворот к реабилитации художества — чему и посвящен, начиная с вводной статьи Горького «Об искусстве», весь обсуждаемый здесь выпуск «Наших достижений» 1935 г. Печальное состояние Каслинского павильона, упомянутое Зуевым, у Добычина вписано в динамику новейшей истории: в первые годы советской власти все это едва не было пущено в переплавку по двум взаимоподкрепляющим причинам: социально-чуждой сущности искусства и необходимости решать задачи первого порядка, выживания. Теперь дошли руки и до искусства, «появились и новые потребности, бывшие прежде для

множества людей бесплодной мечтой. Люди чаще стали говорить о музыке, о портных» [Добычин, 1935б, с. 199].

В качестве элемента «прямого действия» выделяется подпись к фотографии фигурки крестьянской девушки на лошади (она есть и у Зуева-Ордынца, но без призыва к возрождению производства):

Нужно возродить уральский художественный чугу́н. Не только фигуры и барельефы может дать Урал нашим городам, — ограды, лестницы, фонари, памятники, решетки высокой художественной ценности умеют лить художники-литейщики [Там же, с. 191].

Сквозящее в этой фразе стремление подкрепить не вполне убедительные «фигуры и барельефы» чем-то художественным, но в то же время утилитарным (ограды, лестницы, фонари и т. п.) выражает самую суть момента, когда от монополии котлов и мясорубок вроде бы уже отошли, но к самодостаточности искусства еще не пришли.

Выпуск специализированного номера «Наших достижений» по искусству, вероятно, был связан с 10-летием Палехской артели древней живописи (отмечавшимся в декабре 1934 г.). В номере соседствуют статьи о палехской и хохломской росписи, мстерской миниатюре, богородской резьбе по дереву и холмогорской резьбе по кости, вологодском кружевоплетении, кубачинском серебре, т. е. классических народных промыслах и ремеслах, со статьями о екатеринбургских гранильщиках и каслинском чугу́нном литье. Последние два, таким образом, переносятся из сферы индустриального в сферу подлинно народного. Публикация в горьковском журнале под единой обложкой подтверждала своеобразный «мандат доверия», выданный каждому из этих локальных ремесел, однако указывала и на общую для них рамку поиска актуальных, соответствующих запросам времени, сюжетов. Остроту вопроса помогает понять полемическая статья И. Эренбурга «За наш стиль», помещенная в октябре 1934 г. в «Известиях», где автор иронизирует над попытками втиснуть новые символы в старые формы, например, «подавать на лаковых коробочках красноармейцев в виде Святого Георгия» или создавать «кружева с тракторами», нелепые и уродливые [Эренбург].

Задача «оправдания художества» решается в «Наших достижениях» через ставку на народность, и это решение следует признать фундаментальным, показательным. Народность трактуется как исконный исток, первопричина, опережающая религию, от которой особенно важно отмежеваться в случае с палехской иконописью, конвертированной в лаковую миниатюру. «Народность» же спасает и в ситуации, когда изделия идут на экспорт, все тем же «господам», что и до революции — за счет народной традиции искусство признается подлинным. Новое время, однако, не успевает ликвидировать разрыв между ориентированностью изделий на мировую классику и необразованностью мастеров. «Сама продукция часто куда культурнее людей, производящих ее» — эту идею, проходящую через весь выпуск, Добычин раскрывает через конфуз: обнаружилось,

что «отливший за свою жизнь сотни “Мефистофелей” и “Дон-Кихотов”» умелец «ничего не слышал о Гете и Сервантесе» [Добычин, 1935б, с. 208, 205].

Показанные в контексте общего культурного поворота, Касли интересны местной расстановкой сил. Открытое письмо Горькому не упоминается, но костяк нового цеха художественного литья составляют 12 старых мастеров-формовщиков, «артистов». Они поддерживали попытку восстановления производства и в 1920-е гг., во времена К. А. Клодта, после смерти которого оно «сгасло». Нынешнее возрождение, в логике очерка, обусловлено принятым в июле 1934 г. решением «Оргкомитета молодой Челябинской области»: «Восстановить в Каслях чугунное художественное литье, отпустив средства для оборудования специального цеха» [Там же, с. 200] (современный специалист еще больше локализует масштаб, говоря о решении руководства завода без упоминания области [Кашапова, 2021]). Таким образом, действие разворачивается на местной арене, однако сами каслинцы — скорее носители мастерства, а не организаторы производства, для его возрождения они нуждаются во внешнем, хотя и не с самого верха, воздействии.

Принципиально значимым для эпохи игроком оказывается печать. У Зуева давно не бывавший в Каслях герой-повествователь узнает о переменах из центральной прессы, у Добычина та же сцена разыграна в домашней обстановке Торокина-сына: «в ярко освещенной электричеством горнице» он читает газету, призывающую «Восстановить несправедливо забытое художественное литье» [Добычин, 1935б, с. 200]. Поставленное в ряд с электричеством и чтением газет, восстановление производства — еще одно воплощение новой, ведущей к свету жизни.

Рецепция «Живого чугуна» / «Говорящего чугуна»

В сплетении людей и событий в очерках 1935 г. есть сюжеты, из которых выросли самостоятельные произведения, а есть и «повисшие нити», пришедшие тогда не ко времени. Так, по социально-политическим причинам остается без литературной поддержки сюжет о скульпторе бароне К. А. Клодте фон Юргенсбурге и его чугунных мясорубках — его фигура привлечет внимание исследователей только в постсоветское время [Кашапова, 2017]. Ни Добычин, ни Зуев-Ордынец, описывая памятник «на могиле павших борцов за революцию» в Каслях, не упоминают авторство Клодта.

Уралмашзаводу, вопреки мечтаниям Зуева-Ордынца, не удастся развить производство художественного литья: главный энтузиаст В. М. Уханев, начальник цеха, будет расстрелян в годы большого террора, да и сам Зуев-Ордынец надолго окажется в лагерях. В музее истории Уралмашзавода останется лишь рукописная страница воспоминаний¹⁴ ветерана цеха № 34 Н. И. Захарова, датированная мартом 1984 г., где говорится: «В декабре 1934 года комплект художественного

¹⁴ О фонде воспоминаний см. [Енина, Граматчикова].

литья был отправлен в Москву Максиму Горькому. Его ответное письмо экспонируется в нашем музее» [Захаров, с. 1]. Однако в уралмашевском случае письмо Горького не стало охранной грамотой производства, свернутого в 1937 г. [Там же; см.: Енина, Граматчикова].

История мастера Торокина из очерка Н. Добычина получила второе дыхание в сказе П. П. Бажова «Чугунная бабушка» (1943)¹⁵ [Гилева; Халтурина]. Повинуясь законам авторской бажовской мифологии, этот сказ соединит теплоту семейной памяти с той степенью «правки истории», которая сначала будет отвечать историческому моменту¹⁶, а в позднесоветское время, по большому счету, заместит «реальность», став своего рода историческим источником. Неслучайно памятник В. Ф. Торокину на каслинском кладбище (работа скульптора А. В. Чиркина, 1982 г.) представляет пластическую репрезентацию бажовского персонажа — мастерского с лукавой усмешкой, бережно и ловко держащего в ладонях свою «чугунную бабушку».

Бажов апроприирует нарратив о каслинцах как «наших», позиционируя их как элиту: «набирался этот народ из того десятка, какой не от всякой сотни поставишь», противопоставляя «сытым немцам» разных мастей. Скульптура «Старуха за прялкой», имея прообразом соседку — бабку Анисью — получает домашнее прозвание «чугунной бабушки», рождаясь не только из мастерства литейщика — по-горьковски романтизированного Дон-Кихота, сколько из ежедневных диалогов «дяди Васи» с женой, где вековечность чугуна должна отвечать безупречным моральным качествам человека-труженика. Избежав соблазна повторить портрет мастера — жертвы исторических обстоятельств (как у Добычина), «Говорящая скульптура» голосом бабки Анисьи подводит итог жизни мастера, резюмируя этическую максиму бажовских сказов: «Работа — она штука долговекая. Человек умрет, а дело его останется. Вот ты и смекай, как жить-то» [Бажов, 1943].

Заключение: «Почему по своим-то не можем ничего сказать?»

Так было ли в добычинском тексте что-то такое, что действительно сыграло почти магическую роль в истории выживания каслинского литья? Задавая вопрос иначе, мог ли на месте его очерка в «Наших достижениях» оказаться каслинский текст Зуева-Ордынца? В том виде, в котором он был сделан для «Уральского следопыта», — определенно нет. При всех очевидных литературных достоинствах текст Зуева написан с позиции внешнего наблюдателя-туриста,

¹⁵ Первая публикация [Бажов, 1943]. Справедливости ради заметим, что Бажов писал о Каслях еще в 1925 г., задолго до Добычина [Бажов, 1925], но анализ этого текста не входит в наши задачи.

¹⁶ Об отличиях и сходствах бажовского Торокина с Левшой, а также о демонической природе созданной им статуи см. [Яблоков].

тогда как у Добычина автор-рассказчик говорит изнутри, он тоже приезжий, но скорее агитатор-активист, нежели досужий путник.

Различие позиций воспроизводят биографии авторов: если Зуев бывал на Урале, то Добычин здесь жил и работал. Для Каслей, однако, публикация в «Наших достижениях» — и тогда, и сейчас — это выход на общесоюзную арену, поэтому гораздо важнее не «уральскость» Добычина, а его причастность к центру, к Горькому. Срабатывает не только статусная, но и временная настройка масштаба: сделанная в нужное время и по правилам менявшейся культурной политики, статья воспринимается как судьбоносная, словно бы именно она стала решающим звеном в возрождении каслинского литья.

«Несправедливость» в отношении мастеров из народа в очерках Добычина и Зуева-Ордынца остается в дореволюционном прошлом и окончательно преодолевается реабилитацией искусства. В сегодняшних Каслях на месте большого металлургического завода действуют несколько небольших предприятий, многие площади пустуют. Ощущение несправедливости (утрата, обида, ресентимент) присутствует у горожан во множестве оттенков, из которых выделим один, проистекающий из неравенства центра и периферии. Одна из участниц наших интервью упрекает Екатеринбург / Свердловск, так и не вернувший знаменитый чугунный павильон после Всемирной выставки в Париже 1900 г.:

И вот в 1900-м году, когда победили, там получили вот гран-при за своё литьё, и за это вот, что у вас там в Свердловске. Сейчас ходите, наверное, видите, любуетесь красивым литьём, которое нам так и не отдали назад, заполучив его в своё время (Ж74).

Фраза четко обозначает оппозицию «своего» и «у вас там». Более статусная инстанция «заполучила» не просто усладу для глаз, но символ всемирной славы, выразитель непревзойденного (гран-при!) мастерства. Предполагается, что брала на время, но так и не отдала — и несправедливость длится сквозь эпохи. Более общего плана упрек: «...к сожалению, у нас в Каслях не так много, как нам бы хотелось, нашего, собственно каслинского литья в городе. В Санкт-Петербурге его больше, чем у нас» (Ж45) — адресован напрямую имперской столице. Наконец, несправедливое распределение символического капитала между признанной фигурой Бажова и недостатком почитания собственных героев выливается в упрек самим себе:

...почему Павел Петрович Бажов, да, мы его как бы уважаем и о нём рассказываем, говорим. А почему по своим-то не можем ничего сказать? (Ж74)

Действительно, история мастера Торокина, пересказанная языком современного эпохе индустриализации очерка, воплощенная в мифе и сказе, становится текстом, который пережил свое время, ибо воссозданная в нем Бажовым иерархия ценностей не изменилась за 80 прошедших лет.

Источники

Бажов П. П. Из поездки в Каслинский завод (листки блокнота) // Товарищ Терентий. 1925. № 12. С. 10–12.

Бажов П. Чугунная бабушка // В бой за Родину! [Карельский фронт]. 1943. 8 февр.

Боголюбов К. Рассказы Н. Добычина // Штурм. 1934. № 3. С. 99–107.

ГАОСО — Государственный архив административных органов Свердловской области. Ф. Р1. Оп. 2. Д. 11518. Добычин Николай Ефимович. Следственное дело. Год производства 1933.

Горький М. Об искусстве // Наши достижения. 1935. № 5–6. С. 3–7.

Добычин Н. Рассказы о нашем городе // Штурм. 1933а. № 1. С. 31–41; 1933б. № 5–6. С. 52–58; 1933в. № 9–10. С. 56–64.

Добычин Н. О том, как в ночи ясные // Оборона : [лит.-худ. сб.] / отв. ред. И. Астахов, облож. работы А. М. Громова. Свердловск ; М. : Урал. обл. гос. изд-во, 1933г. С. 34–43.

Добычин Н. Цветы // Урал : [лит.-худ. сб. уральских писателей]. Свердловск : Урал. обл. гос. изд-во, 1933д. С. 185–201.

Добычин Н. Цветы // Наши достижения. 1933е. № 9. С. 84–94.

[*Добычин Н.*] *Степан Негрбов.* Оживляли газету // За Магнитострой литературы. 1933ж. 11 марта. № 11.

Добычин Н. Хакасские рассказы. М. : Федерация, 1933з.

Добычин Н. Рассказы о нашем городе // Штурм. 1934а. № 1. С. 85–100; 1934б. № 2. С. 57–61.

Добычин Н. Рассказы о нашем городе. Свердловск : Уралгиз, 1934в.

Добычин Н. Скульптор // Штурм. 1935а. № 4–5. С. 47–52.

Добычин Н. Живой чугун // Наши достижения. 1935б. № 5–6. С. 189–209.

Добычин-Алтайский. Каракуз // Красная сибирячка. 1925. № 8. С. 6–8.

Добычин Николай Ефимович (1904–1942) // Литературная карта Елабужского района. URL: <https://lkelabuga.jimdofree.com/персоналии/добычин-н-е/> (дата обращения: 24.11.2022).

Захаров Н. И. О производстве художественного литья на Уралмашзаводе. 1984. Рукопись, 1 с. // Воспоминания работников Уралмашзавода Музея истории Уралмашзавода. За [1945 г.] — 2010-е гг. ГАСО — Государственный архив Свердловской области. Ф. Р-2910. Оп. 1. Д. 87.

Зув-Ордынец М. Каменный пояс (Уральские очерки). Л. : Красная газета, 1928.

Зув-Ордынец М. Говорящий чугун / фото Б. Рябина // Уральский следопыт. 1935. № 7. С. 26–36.

Исбах А. О карте и оборонной литературе. Уральские заметки // Литературная газета. 1933. 5 авг. № 36. С. 3.

Маленький А. Литературный год на Урале // Штурм. 1934. № 12. С. 103–112.

Мамин-Сибиряк Д. Н. По Зауралью // Южный Урал. 1952. № 8–9. С. 17–87.

Начата работа над историей машиностроительного гиганта // За Магнитострой литературы. 1932. № 1.

Открытое письмо старых мастеров // Каслинский рабочий. 1935. 1 янв.

Ретин М. Е. Касли : историч. очерк. Челябинск : Челябингиз, 1940.

Хроника литературной жизни Свердловска и области 1930-х гг. // Хроника литературной жизни Урала XIV — первой половины XX века (Свердловская, Челябинская, Курганская, Оренбургская области) / отв. ред. Е. К. Созина, М. А. Литовская. Екатеринбург : Банк культурной информации, 2009. Ч. 4.

Художники литья // Известия. 1934. 2 окт. № 231. С. 4.
Эренбург И. За наш стиль // Известия. 1934. 15 окт. № 242. С. 3–4.

Исследования

Белоусов А. Ф. Однофамилец (1904–1942) // Consortium Omnis Vitae : сб. ст. к 70-летию проф. Ф. П. Федорова / ред. А. Stankeviča, S. Švarcbands. Daugavpils : Daugavpils universitate, 2009. С. 414–424.

Быкова С. И. «Наказанная память»: свидетельства о прошлом в следственных материалах НКВД // Неприкосновенный запас. 2009. № 2. С. 38–54.

Веселкова Н. В., Вандышев М. Н., Прямикова Е. В. Молодые города: масштабы мест памяти // Социологическое обозрение. 2017. Т. 16, № 3. С. 36–65. <https://doi.org/10.17323/1728-192X-2017-3-36-65>

Гарф А. Л. [Публикация и примечания]. Письма П. В. Кучияка // Сибирские огни. 1972. № 10. С. 140–153.

Гилева К. А. «Новый» мир и его герои в произведениях каслинского художественного литья из чугуна 1920–1930-х годов // Человек в мире культуры. 2017. № 2–3. С. 39–43.

Гильмуллина Л. Писатель, о котором забыли // Проза.ру : [сайт]. Дата публ.: 2006. URL: <https://proza.ru/2006/07/30-112> (дата обращения: 24.11.2022).

Горбунов Ю. «Следопыты» тридцать пятого // Уральский следопыт. 1995. № 3–4. С. 2–6.

Грамотчикова Н., Веселкова Н. «Куски какого-то еще не реализованного плана»: художественное осмысление истории в уральской очеркистике и прозе 1930-х // Уральский исторический вестник. 2022. № 4(77). С. 112–121. [https://doi.org/10.30759/1728-9718-2022-4\(77\)-112-121](https://doi.org/10.30759/1728-9718-2022-4(77)-112-121)

Енина Л. В., Грамотчикова Н. Б. Первостроители Уралмаша как перформативный проект: конструирование заводской идентичности. Екатеринбург ; М. : Кабинетный ученый, 2021.

Кашапова Г. В. Превратности судьбы. Жизнь и творчество барона Константина Александровича Клодта фон Юргенсбург (к 150-летию со дня рождения) // Каслинский альманах. 2017. № 11. С. 27–33.

Кашапова Г. В. Разрыв постепенности и сохранение преемственности в Каслинском художественном литье в 1920–1940-е годы // Гороховские чтения : материалы двенадцатой регион. музейн. конф. / сост., науч. ред. А. Н. Лымарев. Челябинск, 2021. С. 282–286.

Подлубнова Ю. С. Журналы Екатеринбурга-Свердловска 1920-х гг.: место и роль в литературной жизни города // Известия высших учебных заведений. Проблемы полиграфии и издательского дела. 2008. № 6. С. 118–124.

Подлубнова Ю. С. От «Уральского охотника» к «Уральскому следопыту»: природа и природные ресурсы в культурных репрезентациях 1920–1930-х гг. // Литература как форма социальной и индивидуальной рефлексии : материалы XIX Всероссийской научно-практической конференции словесников, Екатеринбург, 1–2 апреля 2016 г. / ред.-сост. О. Ю. Багдасарян. Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 2016. С. 48–56.

Подлубнова Ю. С. Газета «За Магнитострой литературы» и литературное движение на Урале в 1932–1933 гг. // Дергачевские чтения — 2018. Литература регионов в свете гео- и этнопоэтики : материалы XIII Всероссийской научной конференции / ред. Т. А. Арсенова. Екатеринбург : УрО РАН, 2019. С. 282–292.

Подлубнова Ю. С. Цитадель пролетарской литературы. УралАПП на подъеме: 1926–1930 гг. // Известия Уральского федерального университета. Серия 1. Проблемы образования, науки и культуры. 2020. Т. 26, № 3. С. 169–180. <https://doi.org/10.15826/izv1.2020.26.3.061>

Подлубнова Ю. С. Газета «За Магнитострой литературы» как инструмент формирования уральского литературного пространства в 1932–1933 гг. // Девятые Чупинские краеведческие чтения : материалы конф., Екатеринбург, 20–21 февраля 2018 г. / ред. и сост. Е. Н. Ефремова. Екатеринбург, 2021. С. 68–83.

Рябинин Б. Ушедшее — живущее: книга воспоминаний. М. : Сов. писатель, 1985.

Халтурина (Еременко) М. Л. «Штука долговечная...»: (о каслинской династии Торокиных) // Каслинский альманах. Касли, [2007]. № 2. С. 83–93. На обл.: 2006.

Яблоков Е. А. «Миф о статуе» у П. Бажова (сказ «Чугунная бабушка») // Творчество П. П. Бажова в меняющемся мире : материалы межвуз. науч. конф., посвящ. 125-летию со дня рождения П. П. Бажова (28–29 янв. 2004 г., г. Екатеринбург) / отв. за вып. В. В. Блажес. Екатеринбург : [б. и.], 2004. С. 135–141.

References

Belousov, A. F. (2009). Odnofamilets (1904–1942) [Namesake (1904–1942)]. In A. Stankeviča, & S. Švarcbands (Eds.), *Consortium Omnis Vitae: sbornik statei k 70-letiiu profesora F. P. Fedorova* [Consortium Omnis Vitae: A Collection of Articles Dedicated to Professor F. P. Fedorov's 70th Birthday] (pp. 414–424). Daugavpils: Daugavpils University.

Bykova, S. I. (2009). “Nakazannaia pamiat’”: svidetel'stva o proshlom v sledstvennykh materialakh NKVD [“Punished Memory”: Evidence of the Past in the Investigative Materials of the NKVD]. *Neprikosnovennyj zapas. Debaty o politike i kul'ture*, 2, 38–54.

Enina, L. V., & Gramatchikova, N. B. (2021). *Pervostroiteli Uralmasha kak performativnyj proekt: konstruirovaniye zavodskoi identichnosti* [Uralmash Pioneer Builders as a Performance Project: Construction of Factory Identity]. Ekaterinburg; Moscow: Kabinetnyj uchenyj.

Garf, A. L. (1972). [Publikatsiia i primechaniia]. Pis'ma P. V. Kuchiiaka [[Publication and Notes]. Letters of P. V. Kuchiyak]. *Sibirskiiye ogni*, 10, 140–153.

Gileva, K. A. (2017). “Novyi” mir i ego geroi v proizvedeniakh kaslinskogo khudozhestvennogo lit'ia iz chuguna 1920–1930-kh godov [The “New” World and its Heroes in the Works of Kasli Art Casting from Cast Iron 1920s–1930s]. *Chelovek v mire kul'tury*, 2–3, 39–43.

Gil'mullina, L. (2006). Pisatel', o kotorom zabyli [The Forgotten Writer]. In *Proza.ru*. Retrieved from <https://proza.ru/2006/07/30-112>

Gorbunov, Yu. (1995). “Sledopyty” tridtsat' piatogo [“Pathfinders” of 1935]. *Ural'skii sledopyt*, 3–4, 2–6.

Gramatchikova, N. B., & Veselkova, N. V. (2022). “Kuski kakogo-to eshche ne realizovannogo plana”: khudozhestvennoe osmyslenie istorii v ural'skoi ocherkistike i proze 1930-kh [“Fragments of Some not yet Realized Plan”: The Artistic Comprehension of History in the Ural Essays and Prose of the 1930s]. *Ural'skii istoricheskii vestnik*, 4 (77), 112–121. [https://doi.org/10.30759/1728-9718-2022-4\(77\)-112-121](https://doi.org/10.30759/1728-9718-2022-4(77)-112-121)

Kashapova, G. V. (2017). Prevratnosti sud'by. Zhizn' i tvorchestvo barona Konstantina Aleksandrovicha Klodta fon Jurgensburg (k 150-letiiu so dnia rozhdeniia) [Life and Work of Baron Konstantin Aleksandrovich Klodt von Jurgensburg (for his 150th Birthday)]. *Kaslinskii al'manakh*, 11, 27–33.

Kashapova, G. V. (2021). Razryv postepenosti i sokhraneniye preemstvennosti v Kaslinskom khudozhestvennom lit'e v 1920–1940-e gody [Gap of Gradualness and Preservation of Continuity in Kasli Artistic Casting in 1920s–1940s]. In A. N. Lymarev (Ed.), *Gorokhovskiiye chteniia: materialy dvenadtsatoi regional'noi muzeinoi konferentsii* [Gorokhov Readings: Materials of the Twelfth Regional Museum Conference] (pp. 282–286). Chelyabinsk.

Khalturina (Eremenko), M. L. (2007; on the cover: 2006). “Shtuka dolgovekaia...”: (o kaslinskoi dinastii Torokinykh) [“A Long-Lived Thing...”: (About the Kasli Dynasty of the Torokins)]. *Kaslinskij al'manakh*, 2, 83–93.

Podlubnova, Yu. S. (2008). Zhurnaly Ekaterinburga-Sverdlovskaja 1920-kh gg.: mesto i rol' v literaturnoi zhizni goroda [Journals of Ekaterinburg-Sverdlovsk in the 1920s: Place and Role in the Literary Life of the City]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Problemy poligrafii i izdatel'skogo dela*, 6, 118–124.

Podlubnova, Yu. S. (2016). Ot “Ural'skogo okhotnika” k “Ural'skomu sledopytu”: priroda i prirodnye resursy v kul'turnykh reprezentatsiiakh 1920–1930-kh gg. [“The Ural Hunter” to “The Ural Pathfinder”: Nature and Natural Resources in Cultural Representations of the 1920s–1930s]. In O. Yu. Bagdasaryan (Ed.), *Literatura kak forma sotsial'noi i individual'noi refleksii: materialy XX Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii slovesnikov, Ekaterinburg, 1–2 aprelya 2016 g.* [Literature as a Form of Social and Individual Reflection: Materials of the 19th All-Russian Scholarly and Practical Conference of Philology Teachers, Ekaterinburg, 1–2 April, 2016] (pp. 48–56). Ekaterinburg: Ural State Pedagogical University.

Podlubnova, Yu. S. (2019). Gazeta “Za Magnitostroi literatury” i literaturnoe dvizhenie na Urale v 1932–1933 gg. [Za Magnitostroi Literary Newspaper and Literary Movement in the Urals in 1932–1933]. In T. A. Arsenova (Ed.), *Dergachevskie chteniia – 2018. Literatura regionov v svete geo- i etnopoetiki: materialy XIII Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii* [Dergachev Readings – 2018. Literature of the Regions in the Light of Geo- and Ethnopoetics: Materials of the 13th All-Russian Scholarly Conference] (pp. 282–292). Ekaterinburg: UrO RAN.

Podlubnova, Yu. S. (2020). Tsitadel' proletarskoi literatury. UralAPP na pod"eme: 1926–1930 gg. [Citadel of Proletarian Literature. UralAPP on the Rise: 1926–1930]. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 1. Problemy obrazovaniya, nauki i kul'tury*, 26(3), 169–180. <https://doi.org/10.15826/izv1.2020.26.3.061>

Podlubnova, Yu. S. (2021). Gazeta “Za Magnitostroi literatury” kak instrument formirovaniia ural'skogo literaturnogo prostranstva v 1932–1933 gg. [Za Magnitostroi Literary Newspaper as a Tool for the Formation of the Ural Literary Space in 1932–1933]. In E. N. Efremova (Ed.), *Deviatye Chupinskie kraevedcheskie chteniia: materialy konferentsii, Ekaterinburg, 20–21 fevralia 2018 g.* [Ninth Chupin Local History Readings: Materials of the Conference, Ekaterinburg, 20–21 February, 2018] (pp. 68–83). Ekaterinburg.

Ryabinin, B. (1985). *Ushedshee – zhivushchee: kniga vospominanii* [Departed – Living: A Book of Memories]. Moscow: Sovetskij pisatel'.

Veselkova, N. V., Vandyshchev, M. N., & Pryamikova, E. V. (2017). Molodye goroda: masshtaby mest pamiaty [Young Towns: The Scale of Places of Memory]. *Russian Sociological Review*, 16(3), 36–65. <https://doi.org/10.17323/1728-192X-2017-3-36-65>

Yablokov, E. A. (2004). “Mif o statue” u P. Bazhova (skaz “Chugunnaia babushka”) [“The Myth of the Statue” by P. Bazhov (Tale *Cast-Iron Grandmother*)]. In V. V. Blazhes (Ed.), *Tvorchestvo P. P. Bazhova v meniaiushchemsia mire: materialy mezhvuzovskoi nauchnoi konferentsii, posviashchennoi 125-letiiu so dnia rozhdeniia P. P. Bazhova (28–29 ianv. 2004 g., g. Ekaterinburg)* [P. P. Bazhov's Creative Work in a Changing World: Materials of the Interuniversity Scholarly Conference Dedicated to P. P. Bazhov's 125th Birthday (28–29 January, 2004, Ekaterinburg)] (pp. 135–141). Ekaterinburg.

Веселкова Наталья Вадимовна

кандидат социологических наук,
доцент кафедры прикладной социологии
Уральский федеральный университет
620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51
E-mail: vesselkova@yandex.ru

Граматчикова Наталья Борисовна

кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник
Центра истории литературы
Институт истории и археологии УрО РАН
620000, Екатеринбург, ул. С. Ковалевской,
16
E-mail: n.gramatchikova@gmail.com

Veselkova, Natalia Vadimovna

PhD (Sociology), Associate Professor
Department of Applied Sociology
Ural Federal University
51, Lenin Ave., 620000 Ekaterinburg, Russia
Email: vesselkova@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-0855-8901>

Gramatchikova, Natalia Borisovna

PhD (Philology), Senior Researcher
Centre for the History of Literature
Institute of History and Archaeology,
Ural Branch of the Russian Academy
of Sciences
16, S. Kovalevskaya St.,
620000 Ekaterinburg, Russia
Email: n.gramatchikova@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-2585-7399>
Scopus AuthorID: 57189445810
WoS ResearcherID: T-5823-2017